

Концептуальные вопросы новых соглашений по воде в Центральной Азии. Что делать Кыргызстану

Центр политико-правовых исследований (ЦППИ)

Важность вопросов управления водными ресурсами в Центральной Азии (ЦА) обуславливается целым рядом факторов, из которых можно привести наиболее очевидные:

- 1. Ресурсная взаимозависимость.** В вопросах водообеспечения страны региона полагаются на реки, протекающие через их территории, причем две страны находятся в верховьях рек («верхние» страны - Кыргызстан и Таджикистан), а остальные в низовьях («нижние» страны - Казахстан, Узбекистан, Туркменистан). Поэтому достижение соглашения по управлению этими ресурсами является важным фактором, который теоретически способен обеспечить справедливое и устойчивое распределение водных ресурсов между странами;
- 2. Экономическое развитие.** Сельское хозяйство является одной из основных отраслей экономики стран Центральной Азии, и оно требует значительных объемов воды. Соглашение по использованию воды позволит оптимизировать использование ресурсов и улучшить сельскохозяйственную продуктивность в регионе;
- 3. Экологическая устойчивость.** Реки ЦА являются ключевыми экосистемами, обеспечивающими жизненную среду как для флоры и фауны, так и для человека. Несбалансированное использование водных ресурсов может привести к экологическим проблемам, таким как снижение уровня воды, исчезновение водных видов, деградация почвы и т. п.;
- 4. Политическая стабильность.** Водные ресурсы могут стать источником напряженности и даже конфликтов между странами, особенно в условиях нарастающей ограниченности ресурсов.

Возможные риски и направления решений споров по воде в ЦА уже давно и достаточно много рассматривались и обсуждались в аналитическом поле Кыргызстана. В частности, об этом говорилось в статье «Никто не хочет уступать, но рано или поздно это придется сделать».^[1] В данном аналитическом материале используются материалы, в том числе, и этой статьи, так как все ключевые аспекты данной проблемы остаются актуальными до сих пор. Более того, к ним добавились новые, в частности

– расширение субъектов активного водопользования, как например рост активности Афганистана в области водопользования.

Географически Афганистан также попадает в категорию стран, расположенных в Центральной Азии. Однако до недавних пор, в силу десятилетиями длящихся войн в этой стране, вопросы воды там слабо артикулировались. Тем не менее в последнее время и в Афганистане стали широко обсуждаться проблемы и проекты, связанные с водой. В частности, проект по строительству масштабного канала Коштепа, в связи с чем забор воды прилегающими к Амударье странами может существенно измениться.

В планах Афганистана также строительство Дашт-и-Джунского гидроузла, который сможет аккумулировать значительную часть летнего стока реки Пяндж. Очевидно, что реализация этих проектов существенно изменит ситуацию с водой для расположенных ниже по течению Узбекистана и Туркменистана.^[ii] При этом следует отметить, что в отличие от вышеперечисленных ЦА-стран, Афганистан пока не является участником каких-либо соглашений по воде в странах нашего субрегиона и, таким образом, формально может делать что хочет.

Однако даже имеющиеся соглашения между странами ЦА мало кого устраивают. Нижние страны считают, что вода им поступает в недостаточном количестве и часто не в те сезонные сроки, которые их устраивают, в то время как верхние страны полагают, что имеют слишком мало от той воды, которая формируется на их территории. Кроме того, из-за глобальных климатических изменений, даже в верхних странах стала наблюдаться нехватка воды в вегетативный сезон.

О недовольстве верхних и нижних стран, в частности говорит желание Казахстана изменить существующие соглашения с Кыргызстаном и Узбекистаном об использовании ресурсов бассейна реки Сырдарья. Об этом упоминается в его концепции^[iii] по управлению водными ресурсами 2023–2029 гг.

При этом, во многом существующие соглашения по воде не устраивают и страны, находящиеся в верховьях рек.^[iv] Страны, где формируются реки, полагают, что нижние страны получают гораздо больше воды, чем они сами, и при этом финансовая нагрузка по строительству и обслуживанию гидротехнических сооружений в основном лежит на верхних государствах.

Таким образом, уже долгие годы в ЦА складывается ситуация, когда ни верхние, ни нижние страны не довольны существующим положением.

Но найти взаимовыгодные решения проблемы по воде можно. Вернее сказать, решения, которые удовлетворяют договаривающиеся стороны, потому что любая договоренность – это всегда серия взаимных уступок. При этом очевидная действительность такова, что каждая страна старается максимально обеспечить свою выгоду и интересы.

Кроме того, все прекрасно понимают, что споры по воде только частично решаются в соответствии с имеющимся международным опытом и международно-правовой базой. В большей степени такие споры, как и в политике, разрешаются по простой, но действенной формуле – договариваются с сильным, со слабым предпочитают не говорить, а могут и отнять последнее.

Об этом свидетельствует, например, ситуация, годами складывающаяся по распределению (забору) воды на трансграничных реках между Китаем и Казахстаном. Из Китая в Казахстан текут две большие реки – Или и Иртыш. С каждым годом забор Китаем воды из этих рек растет, а казахская сторона ничего с этим поделать не может. Казахстан старается, по большому счету, даже не поднимать эти вопросы на многочисленных двусторонних переговорах, видимо полагая, что не имеет достаточных рычагов влияния на Китай. Более того, на протяжении десятилетий Казахстану не удавалось ввести обязательные ограничения на забор воды в верхних течениях вышеуказанных рек, а Китай просто отказывался подписать Конвенцию ООН по трансграничным водам. [\[v\]](#)

Решение споров. Вооруженные столкновения или мягкая сила

Впоследние годы все чаще можно слышать алармистские предостережения о том, что споры по воде могут привести к вооруженным конфликтам и даже войнам.

Многие политики, эксперты и международные чиновники говорили и говорят об этом, и к сожалению, такого рода опасения имеют под собой основу, подкрепленную несколькими историческими фактами.

Хорошо известным примером является конфликт между Израилем, Иорданией и Палестиной. Тогда страны региона не смогли прийти к соглашению об использовании водных ресурсов. Каждая страна опиралась только на свою точку зрения и в результате согласованной политики в этом вопросе не получилось.

Израиль создал Национальную водохозяйственную компанию для отвода воды из реки Иордан в южные районы страны. В свою очередь в 1964 г. Сирия и Иордания начали строительство плотины для того, чтобы изменить течение рек Ярмук и Баньяс. Эти действия, наряду с другими,

стали причиной вооруженного конфликта 1967 г. Известно, что Израиль разрушил эту дамбу, оккупировал Голанские высоты, Западный берег реки Иордан и сектор Газа. Все это способствовало тому, что Израиль существенно повысил степень своего контроля над водными ресурсами региона. Тем не менее, Иордания все же завершила проект по сооружению крупной дамбы, перекрывавшей течение восточных притоков реки Иордан южнее Ярмука, и создала собственную систему распределения водных ресурсов.

Вместе с тем, несмотря на этот пример, военные конфликты из-за воды являются все-таки крайне редким явлением. Более того, многие эксперты утверждают, что собственно вода нечасто была единственной причиной вооруженного конфликта. Да, напряженность из-за нее возникала и возникает, но в силу жизненной важности воды и крайней сложности решить проблему только вооруженными методами, стороны в итоге понимали, что лучше приходить к договоренностям, чем доводить дело до вооруженного столкновения.

Даже на Ближнем Востоке, где всегда была очень напряженная ситуация, вооруженный конфликт из-за воды был только один раз. Во всех остальных случаях государства вели сложные, но мирные переговоры.

Известно, например, что конфликтующие стороны во время Вьетнамской войны (возникшей не из-за воды) продолжали переговоры по водам долины реки Меконг. А вот водные договоренности между Индией и Пакистаном даже служили мощным сдерживающим фактором в очень напряженных отношениях между этими странами.

Широко известна проблема с распределением водных ресурсов между Эфиопией, Суданом и Египтом. Более 80 процентов вод Нила формируются на территории Эфиопии, лежащей вверх по течению, но она использует не более 2 процентов этих ресурсов, в то время как находящиеся ниже по течению Судан и в большей степени Египет являются основными потребителями вод Нила.

В 1959 году между Египтом и Суданом было заключено соглашение, которое, по мнению Эфиопии, абсолютно не учитывало ее интересы. В ответ на заявления Эфиопии о необходимости пересмотра этого соглашения реакция нижних стран всегда была негативной. Например, в 1970-х годах президент Египта Анвар Садат угрожал войной в случае, если кто-либо покусится на воды Нила. До войны не дошло, но сегодня ситуация по-прежнему напряженная. До войны, вероятно, и не дойдет, но вот давление нижних стран на верхние будет продолжаться. И давление

это будет скорее мягким (экономико-политическим), чем жестким (военным).

Использование мягкой силы для решения водных вопросов более распространено и, как показывает практика, более эффективно. Именно мягкие методы прессинга нижних стран на верхние часто бывают более результативными.

Споры между нижними и верхними странами ЦА, как мы видим, не уникальны.

Нижние страны, практически везде в мире, географически обладая более благоприятными условиями для развития сельского хозяйства и промышленности, как правило, изначально более богаты и имеют более обширную территорию, чем горные страны, находящиеся в верховьях рек.

Нижние страны часто используют свое богатство и влияние на международной арене для того, чтобы заблокировать строительство дамб верхними странами и для использования воды в большей степени, чем верхние страны. Для этого используются международные организации, применяется экономическое эмбарго, разного рода затяжные экспертизы, транспортные блокады, предлагаются взятки чиновникам из верхних стран и т. п.

Поскольку вопрос с трансграничными реками и водами всегда является предметом спора между двумя и более странами, то и правовая база, сложившаяся в этой сфере, крайне важна. Естественно, что как верхние, так и нижние страны нередко по-разному ее интерпретируют.

Доктрины и международно-правовая база по распределению воды трансграничных рек

Следует отметить, что нет ни одной международной конвенции, которая бы полностью обязывала верхние страны согласовывать все свои решения по воде с нижними. Кроме того, в международном сообществе нет единообразного понимания, каким образом должны использоваться ресурсы трансграничных рек.

Поэтому хорошее знание и умение применять право в своих интересах для каждой из сторон является одним из важных компонентов проведения успешной политики в области использования водных ресурсов.

Поскольку вопрос распределения водных ресурсов между соседними странами является крайне важным, то по этому поводу существует сразу несколько относительно хорошо разработанных доктрин (концепций):

Доктрина территориального суверенитета (Territorial sovereignty)

Согласно этой доктрине государства имеют полный контроль над своей территорией и могут делать все, что хотят с водой, которая протекает по их территории. Эта доктрина еще известна под названием Доктрины Хармона (Harmon Doctrine). Такое название в свое время она получила по имени Генерального прокурора США, который изложил свое мнение по поводу распределения вод реки Рио-Гранде. Понятно, что эта доктрина как нельзя лучше подходит верхним странам, в то время как нижние всячески оспаривают ее.

Доктрина территориальной интегрированности (Territorial integrity)

Эта доктрина противоположна вышеуказанной. Она гласит, что страны, находящиеся ниже по течению рек, имеют полное право на получение необходимого по количеству и качеству воды и могут налагать вето на действия верхних стран, если вода не поступает к ним в необходимом объеме. Эта доктрина широко пропагандируется нижними странами, в то время как верхние, по понятным причинам, ее отвергают.

Доктрина справедливого использования (Equitable utilization)

Примирить две противоречащие друг другу стороны призвана третья доктрина – справедливого использования воды. Этот подход в настоящее время имеет наибольшее количество приверженцев среди экспертов и международного сообщества. Доктрина предполагает достижение между соседними странами некоего справедливого баланса в использовании водных ресурсов, проходящих через территории нескольких государств.

Доктрина справедливого использования воды не означает, что каждое государство имеют равные права, а скорее означает, что все страны, лежащие вдоль водных ресурсов, делятся частью суверенитета над ресурсами и их интересы должны быть обоснованно сбалансированы в соответствии с целым рядом факторов. Доктрина справедливого использования воды получила наибольшую поддержку среди ряда стран и была воплощена в ряде правовых документов, включая Конвенцию ООН от 1997 г. о Праве по ненавигационному использованию международных рек.

Как видят проблему ЦА страны

Девяносто процентов водных ресурсов региона сконцентрированы в Таджикистане и Кыргызстане.

Крупнейшими же потребителями воды являются Казахстан и Узбекистан. В силу разности интересов, масштабов и структуры экономики верхние и нижние страны по-разному подходят к оценке ситуации с ресурсами, и не только водными.

Точка зрения верхних стран:

- страны имеют суверенитет на всю свою территорию и право управлять всеми природными ресурсами по своему усмотрению, включая воду в реках;
- вода – это товар. Соответственно за товар нужно платить справедливую плату, а не получать его бесплатно;
- в настоящее время верхние страны практически в одиночку несут бремя расходов на строительство и поддержание в рабочем состоянии гидротехнических сооружений, в то время как нижние страны также должны нести часть расходов, т. к. они тоже пользуются водой из этих рек;
- значительные территории в верхних странах находятся под водой, что явилось результатом строительства плотин на их территории. Это привело к затоплению пастбищ, угодий и селений, которые имеют свою стоимость и нижние страны должны компенсировать эти потери;
- если нижние страны хотят, чтобы верхние использовали гидротехнические сооружения только в ирригационном режиме, то они должны обеспечивать верхние страны соответствующим количеством угля, нефтяных продуктов, газа и других ресурсов;
- нижние страны используют воду нерационально, и они должны радикально улучшить их ирригационные системы для того, чтобы в разы снизить потери воды.

Точка зрения нижних стран:

- трансграничные реки должны использоваться для нужд всех соседних стран;
- вода не может рассматриваться в качестве товара, как, например, нефть или газ, потому что люди могут жить без нефти, но не могут без воды. Вода – это дар божий, и никто не имеет права торговать им;

- нижние страны более густонаселены и поэтому их доля в использовании водных ресурсов должна быть большей;

- верхние страны используют гидроэнергию неэффективно и используют больше воды, чем им положено в соответствии с их долей.

Что говорит международное право о водных ресурсах

Как было сказано выше, доктрина справедливого использования водных ресурсов получила наибольшую поддержку среди различных стран. **Все международные конвенции, принятые в последние годы, опираются на эти принципы.**

Начиная с 1960-х годов, международное сообщество пытается придать складывающейся международной практике форму правовых документов. В 1966 году Международная Правовая Ассоциация (International Law Association - ИЛА) приняла Хельсинские правила по использованию рек и международных озер. В 1997 году Генеральная Ассамблея ООН утвердила Конвенцию ООН о Праве по ненавигационному использованию международных рек. В 2004 г. ИЛА решила пересмотреть Хельсинские правила от 1966 года и приняла Берлинские правила по использованию воды. Этот шаг был закреплением современных, принятых в большинстве стран экологических принципов в общем контексте водных проблем. И, как уже было отмечено, принцип справедливого использования воды там превалирует.

Судебные прецеденты

Долгая история водных конфликтов в современном мире обогащается не только конвенциями и законами, но и судебными прецедентами, которые играют немаловажную роль, формируя т. н. обычное право.

Широкую известность в мире получили несколько решений Международных трибуналов, таких, например, как по делу 1957 г. Озеро Лано, Испания против Франции (1957 Lac Lanoux, Spain v. France). По этому делу Международный арбитраж вынес решение, поддерживающее Францию и ее право на управление водами, находящимися в ее юрисдикции без получения какого-либо формального согласия на то со стороны стран, лежащих вниз по течению. То есть, за основу была взята Доктрина территориального суверенитета.

Получил известность и прецедент, относящийся к Габчиково-Нгуморскому проекту дамбы (1997 Gabchikovo-Ngyomoros Dam Project, Hungary v. Slovakia). По этому делу суд вынес решение о восстановлении

режима совместного управления гидротехническими сооружениями и водными ресурсами. Таким образом, судья основывался на Доктрине справедливого использования.

Как мы видим, судебные решения могут быть разными, учитывать разные нормативные акты и даже базироваться на разных теоретических подходах в зависимости от каждой конкретной ситуации в экологической, экономической, социальной, политической и других сферах.

Что означает «справедливое использование воды»

Выше было отмечено, что концепция (доктрина) справедливого использования воды с каждым годом получает все больше приверженцев и выглядит наиболее привлекательной для всех сторон, как верхних, так и нижних стран. Возникает только один, но самый главный вопрос – что считать справедливым использованием?

И здесь страны снова сталкиваются с той же проблемой – разные страны справедливость понимают по-разному. При этом международное право по этому поводу также не дает исчерпывающего ответа. Конвенция ООН (ст. 6) указывает лишь, что справедливое использование воды должно учитывать следующие вопросы:

- а) географические, гидрографические, гидрологические, климатические, экологические и другие факторы природного характера;
- б) социальные и экономические потребности стран;
- в) зависимость населения в странах, лежащих вдоль водных артерий;
- г) эффект от использования воды в одних странах, оказываемый на другие страны;
- д) существующее и потенциальное использование водных ресурсов;
- е) развитие консервационных и защитных процессов относительно используемых водных ресурсов, а также стоимость предпринимаемых мер;
- ж) наличие альтернатив сравнимых, по значению, в использовании ресурсов.

Действительно, учет этих факторов может существенно помочь при решении водных споров, но все же не дает кардинального ответа: кому,

сколько и когда положено водных ресурсов. Нет здесь и однозначных критериев оценки справедливости использования воды.

Есть только одно ключевое требование – международное право гласит, что вода должна быть доступна для питьевых и санитарных нужд населения. То есть, у людей должно быть достаточно воды для питья и бытовых нужд, чтобы они не болели и тем более не умирали от нехватки воды. Ничего более, в безоговорочном порядке, международное право не требует.

Что касается питьевой воды, то в целом, проблем с ней в Центральной Азии нет. В регионе достаточно воды для питья и санитарных нужд. Когда же спор заходит о воде в ЦА, речь преимущественно идет о воде, которая в верхних странах используется для выработки энергии и полива, а в нижних в основном в ирригационных целях.

Таким образом, можно констатировать, что есть международное право, которое отражает важные принципиальные моменты, но не дает однозначных решений. Есть и международные судебные прецеденты, которые важны для будущих возможных судебных разбирательств, но которые также неоднозначны.

Поэтому, когда верхние и нижние страны по-разному трактуют и практикуют использование и управление водами трансграничных рек, теоретически никто не нарушает право, но при этом все действуют по-своему. То есть, в определенной мере можно говорить, что международное и обычное право в области разрешения водных споров существует не для государств и их правительств, а для судей. Да, именно для судей, которые в случае, если спор будет вынесен на их суд, будут принимать решение, основываясь на ряде далеко не простых факторов, о которых говорилось выше.

Государства, скорее всего, будут действовать по другим принципам. Определенно, они должны учитывать международное право и международную практику, но главное, на что они будут опираться – это сила. Сила в большинстве своем не военная (хотя и это важно), но сила экономических и политических аргументов, арсенал которых они будут стараться неуклонно наращивать.

Таким образом немного завышенным является ожидание, что позиции верхних и нижних стран ЦА вдруг в ближайшее время сблизятся настолько, что они легко заключат устраивающее абсолютно всех соглашение о совместном использовании ресурсов. Скорее наоборот, различия в подходах будут усиливаться, а достижение соглашений будет

сложным и длительным. Особенно это становится очевидным на фоне климатических изменений и быстрого оскудения водных артерий региона.

Нет серьезных оснований говорить, что это приведет к вооруженному конфликту в ЦА, но трения экономического и политического характера вполне реальны. Следует ожидать, что страны региона будут использовать весь арсенал имеющихся у них средств мягкого давления.

Верхние продолжают пытаться строить плотины и ГЭС, потому что чем быстрее они это сделают, тем больше у них появится рычагов для достижения выгодных для них соглашений с соседями. Нижние, прямо или косвенно, будут пытаться всячески затянуть или вообще похоронить проекты по строительству плотин верхних стран. Для этого они могут использовать перекрытие поставок газа и нефти, закрытие границ, инициацию международных экспертиз, давление на третьи страны с целью отговорить их от инвестиций в гидропроекты в верхних странах, поддержку политической нестабильности и т. п.

Впрочем, верхние страны также вполне могут использовать, по крайней мере, часть из перечисленного арсенала в своих целях.

При этом всем очевидно, что страны ЦА-региона давно подошли к необходимости заключения полноформатного и действенного соглашения по использованию водных ресурсов, однако по-прежнему стараются получить побольше выгод для своей стороны.

Соглашения будут отражать сложившийся на момент достижения договоренностей баланс сил, и каждая страна будет стараться иметь как можно больше козырей. Вопрос в том, с какими аргументами подойдут к этому моменту государства Центральной Азии.

Краткие выводы

Сейчас можно сказать, что в ЦА-регионе пока еще превалирует концепция, что водные ресурсы принадлежат всем. При этом нет системы всеобъемлющей оценки этих ресурсов, а существует лишь некое представление о том, что вода бесценна.

На практике, однако, «бесценное» означает «бесплатное» - то, что не имеет стоимости. Признание и рассмотрение воды в качестве товара явилось бы хорошим способом в деле совместного управления водными ресурсами. То, что не имеет своей цены, не может быть справедливо распределено и тем более эффективно использовано. Приняв тот факт, что

вода – это товар, страны региона, причем как нижние, так и верхние, могли бы значительно улучшить ситуацию с использованием воды.

Давно признанным фактом является то, что вода используется странами ЦА крайне неэффективно. Например, сравнительный анализ использования воды в ирригационных целях показывает, что

в Израиле продуктивность на один кубический метр воды составляет 0,52 доллара США, в то время как в странах ЦА только 0,14 доллара США, то есть почти в 4 раза меньше.

В странах ЦА потери воды составляют около 37 процентов от всего объема, идущего на нужды сельского хозяйства. Примерно 21 процент воды теряется, напрямую уходя в землю на полях. Вот где заложен огромный потенциал для повышения эффективности использования воды.

Признание воды товаром, имеющим свою стоимость, могло бы существенно исправить ситуацию. С другой стороны, следует понимать и тот факт, что вода действительно не может торговаться как любой другой коммерческий товар. Экспорт и импорт воды задевает большое количество очень чувствительных вопросов, таких как, без всякого преувеличения, жизнь и смерть людей, пища и материальный достаток, политическая стабильность в странах региона и т. п. Поэтому следует признать, что вода – это товар, но крайне специфичный товар. Остановка поставок воды только по экономическим причинам может действительно вести к множеству конфликтов, включая даже военный.

Центральноазиатским странам, в ближайшие годы, еще только предстоит сформировать приемлемую для всех и эффективно работающую модель использования гидроресурсов региона. По понятным причинам каждая из стран хочет получить больше за меньшую цену, но гораздо лучшим сценарием было бы движение по пути взаимных уступок.

Решение водной проблемы станет отражением уровня зрелости каждой из стран региона, их политических элит. Одновременно это станет показателем достижений (или провалов) каждого из государств, поскольку договариваться могут только сильные, слабых в расчет не берут.

Краткие рекомендации для Кыргызстана

I. Кыргызстану следует всегда иметь в виду, что наиболее действенным является принцип – договариваются с сильным, а слабого игнорируют. Поэтому необходимо наращивать масштабы и темпы строительства гидротехнических сооружений на реках, берущих начало на территории Кыргызстана. Такая политика никаким образом не противоречит

международному праву и не нарушает права нижних стран. Наоборот, расширение и улучшение системы гидротехнических сооружений будет способствовать более рациональному и рачительному использованию воды трансграничных рек. Такой подход и влияние на управление водными ресурсами увеличит потенциал Кыргызстана, что позволит как минимум на равных вести переговоры в вопросах управления и распределения воды в ЦА-регионе.

II. Исходя из принципа, что договариваются с сильным, а слабого игнорируют, Кыргызстану следует ускоренными темпами наращивать свой потенциал во всех сферах: 1) Экономический – масштабы и диверсифицированность экономики, 2) Военный – способность эффективно защищать свою территорию, включая гидротехнические и логистические объекты, в условиях существующего целого спектра современных рисков в регионе, 3) Логистический – способность выстраивать диверсифицированные пути поставок и получения товаров и услуг с минимально возможной зависимостью от соседей, которые потенциально могут вводить блокады (временные или постоянные перекрытия) этих путей, 4) Политический – выстраивание устойчивости политической системы относительно внешнего воздействия, 5) Информационный – снижение зависимости от внешней пропаганды.

III. Кыргызстан, будучи страной, на территории которой формируются трансграничные реки, несомненно, имеет более широкие, чем есть сейчас на практике, права в вопросах использования, распределения и управления водными ресурсами этих рек. При разработке и обсуждении межгосударственных соглашений следует иметь это в виду. Такой подход не противоречит, а напротив, вполне соответствует международной практике и этот подход надо активно продвигать.

IV. Вода, несомненно, является товаром, но достаточно специфическим товаром, который нельзя полностью «закрыть» для других стран региона. При этом бесплатное пользование этим товаром также неприемлемо. Необходимо достижение сбалансированного подхода в этом вопросе. Таким образом, для достижения справедливого соглашения по распределению воды нужно продвигать вопрос о признании ее товаром, с параллельным обсуждением специфики и способов оплаты (например - выплаты компенсации) за этот специфический товар. Наиболее очевидными, лежащими на поверхности, и, наверное, приемлемыми для всех стран способами оплаты (компенсации) за воду могут быть следующие формы:

- финансовое участие нижних стран в строительстве, обслуживании и ремонте гидротехнических сооружений, лежащих на трансграничных

реках, из которых вода поступает в нижние страны. Такое финансовое участие не может быть символическим как сейчас, когда, например, Казахстан платит лишь 279 тысяч долларов за обслуживание водохозяйственных объектов на реках Чу и Талас, откуда вода течет из Кыргызстана в Казахстан.^[i] Кыргызстан, особенно в последние годы, сам сильно страдает от нехватки поливной воды, а гидротехнические сооружения требуют обновления, не говоря уже о строительстве новых. При этом расчет за обслуживание гидротехнических сооружений необходимо периодически пересматривать, исходя из инфляционных процессов, использования объемов странами региона и их потребностей;

- льготная поставка взамен воды других видов товаров, таких, например, как нефтепродукты, строительные материалы, сельхозпродукция и т. п.;

- внедрение льготного режима торговли между странами (снижение или долгосрочное неповышение тарифов, нетарифных платежей и актуализация вопросов, касающихся различного проверок, невведения санкций и т. п.);

- привязка долгосрочных соглашений по воде к другим соглашениям, касающихся свободного передвижения через границы товаров, капиталов, человеческих ресурсов и т. п.;

V. Актуализировать и продвигать вопрос о повышении эффективности использования воды трансграничных рек нижними странами. Эта проблема давно является крайне важной, учитывая, что нижние страны в процентном отношении получают и используют значительно больше воды чем верхние, но при этом значительная часть воды там теряется из-за испарений, инфильтрации в землю и в целом из-за плохого качества гидросооружений и управления водой.

^[i] <https://knews.kg/2021/05/10/kazahstan-i-kyrgyzstan-utochnyat-zatraty-na-sovmestnye-gidrotehnicheckie-obekty/>

^[i] <https://rus.gateway.kg/2454-2/>

^[ii] <https://sreda.uz/rubriki/voda/kak-povliyaet-stroyashhijsya-v-afganistane-kanal-kush-tepa-na-amudaryu/>

^[iii] <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/documents/details/482453?lang=ru>

[iv] <https://inbusiness.kz/ru/last/v-kazahstane-i-kirgizii-nedovolny-raspredeleniem-vody-v-ts>

[v] <https://russian.eurasianet.org/китай-победил-казахстан-в-споре-о-воде>

[vi] <https://knews.kg/2021/05/10/kazahstan-i-kyrgyzstan-utochnyat-zatraty-na-sovmestnye-gidrotehnicheckie-obekty/>

<https://center.kg/article/489>